

Гидодора — дракон.

Дракон-чудовище, как говорили предки.

Без сомнения, едкий запах серы неизменно напоминал Гидодоре о том, как его тело жарили, заживо погребённое в лаве.

Его чудовищно огромная голова сейчас была запечатана в самом сердце вулкана под названием Жерло Лавы.

Хотя лава была невероятно горяча, она всё же не могла его сжечь, но это вовсе не было милостью.

И потому Гидодора день за днём терпел, как огонь из недр земли опалает его душу, вновь и вновь пробуждая обжигающую боль того дня, когда его разорвали на части.

Гидодора помнил даже то, что было задолго до этого, — правда, это принадлежало уже другому телу в другом мире: слабому мерцанию экрана перед глазами и внезапно оборвавшемуся биению сердца.

Затем последовало падение тела, а следом — погружение в бескрайнюю темноту.

Но та темнота, неизвестно сколько пробыв таковой, вдруг снова озарилась светом.

Он помнил, как очень-очень долго плыл в этом небытии, словно тонущий человек, incapable ухватиться ни за что.

А потом вдруг что-то затянуло его целиком — словно он провалился в огромный водоворот.

Это были воспоминания Гидодоры.

Воспоминания дракона, прожившего десятки тысяч лет, разом хлынули в хрупкий человеческий разум.

Он видел, как впервые расправил крылья, скользя над облаками, видел, как пожирает города, видел, как противостоит богам, видел, как в конце концов его разрывают на части — всё это он прочувствовал на себе.

Он хотел сопротивляться, хотел закричать: «Это не моя судьба!», хотел вырвать себя из того хаотичного скопления сознания.

Но он так устал.

Он действительно был так умопомрачительно устал.

Прожив несколько десятилетий человеком, а после смерти превратившись в дракона, он вдруг утратил всякое желание бороться. Плевать.

Будь что будет.

Всё равно всё едино.

И тогда он закрыл глаза, позволив обжигающим воспоминаниям полностью поглотить себя.

А когда он вновь ощутил собственное существование, он уже стал Гидодорой.

Если подумать, ему в каком-то смысле повезло: до того, как боги заточили его в темницу, Гидодора успел повидать этот мир.

Когда-то в облике дракона он проносился над Землей Потерянных, заслоня собой солнце и небо.

Тогда он летал очень высоко — так высоко, что облака оставались далеко внизу под его лапами.

Он видел снежные равнины Севера: снег там был вовсе не белым, а синим, по ночам он светился, и стаи ледяных великанов с факелами в руках гонялись по ледяному щиту за китами.

Он видел Южное Коралловое Море, где вода была настолько прозрачной, что дно просматривалось насквозь, а всё морское дно было усеяно обломками затонувших кораблей; русалки сидели на мачтах и пели, и хотя он не понимал слов, мотив был необычайно приятным на слух.

Если лететь на восток, там лежала равнина, где грозы не утихали ни на минуту.

Одна за другой молнии разили землю, оставляя после себя огромные воронки, доверху заполненные оплавленным стеклом. Там, на дне, люди добывали руду, и издалека они казались крошечными муравьями.

На западе раскинулась пустыня, чьи пески были алыми, словно кровь.

Посреди неё торчал город с безумно высокими стенами — поговаривали, что это было первое

королевство людей, и они заточили себя внутри на несколько веков, и никто из них никогда не выходил наружу, равно как никто и не заходил внутрь.

В самом-самом конце он видел даже край света.

Это был бесконечный обрыв, где мириады бескрайних океанских вод с грохотом низвергались в небытие, а над простирающимся впереди Эфиром невероятным образом парело Золотое Древо, гигантское до непостижимых пределов.

Оно излучало сияние, являя собой второе солнце, подвешенное над бездной.

Вот только позже боги подвесили проклятое бедствие — то есть его собственное тело — на ветвях Золотого Древа.

Боги изрекли: Этот дракон чинит бедствия на земле и должен понести за это кару.

Они пропустили железные цепи сквозь его сухожилия, пригвоздили золотыми клиньями его позвоночник и подвесили его на самой макушке Золотого Древа, оставив во власти ветров и палящего солнца, дабы все существа зрели его позор.

Гидодора провисел на том дереве семьдесят семь дней: кровь его стекла до капли, плоть иссохла, а глазные яблоки выклевали иные первородные духи.

Спустя семьдесят семь дней боги вновь изрекли: В этой плоти и крови всё еще таится яд, должно рассеять их по четырём сторонам света, чтобы они никогда не сошлись воедино.

Так и появилась кара расчленения.

Десять шаманов по повелению богов разошлись на все четыре стороны света, бережно несут каждый по куску его останков.

Они провозгласили: Отныне драконам не собираться воедино, не жить и не вернуться.

И так появился нынешний Гидодора — у которого осталась лишь одна голова, заточённая в лаве; умереть он не может, а жить — не получается.

Каждый раз, когда вспоминалось это прошлое, Гидодора всё еще чувствовал, как хаос и ярость начинают постепенно бурлить в черепной коробке.

И этой его голове потребовались долгие тысячи, а то и десятки тысяч лет, чтобы едва-едва отделить крупицу сознания и воплотить её в хрупкий человеческий призрачный силуэт.

И с тех пор...

Мрачный юноша с чёрными волосами, золотыми глазами и бледным лицом, облаченный в чёрные одежды неведомой эпохи, бродил по городу в самом сердце вулкана.

Но на самом деле этот город давно был мёртв.

Город Бездны Хегла.

Это было последнее и величайшее чудо Дворфов Черного Железа.

Огромная сводчатая пещера уходила ввысь настолько, что потолка не было видно, а её скалистые стены пестрели высеченными друг над другом ярусами лестниц, воздушных мостов, дворцов и мастерских.

Бесчисленные бронзовые трубы и трубопроводы из черного железа вились повсюду, а покрытые ржавчиной шестерёнки и обломки рельсов молчаливо свидетельствовали о былом шуме и суете.

Сам центр города представлял собой уходящую вглубь бездонную шахту, которую Дворфы Черного Железа называли Колодцем Усердия, и от неё в недра земли спускались бесчисленные кольца винтовых лестниц, уходя в темноту, недоступную человеческому воображению.

И всё же это некогда столь грандиозное чудо теперь стояло совершенно пустым.

Как же погибли столь великие Дворфы Черного Железа?

Призрак Гидодоры парил над самым центром города — над той самой гигантской вертикальной шахтой диаметром более чем в тысячу футов и неизмеримой глубины, вглядываясь в эту тьму.

Осколки воспоминаний постепенно всплывали в памяти: самодовольный король дворфов Дурин Железнобород стоял на высоком помосте и громогласно клялся, что они непременно добурятся до самого дна мира!

А стоявшие внизу дворфы — стойкие, упрямые, но помешанные на ковке и горном деле — искренне верили, что с обратной стороны этого мира лежит вторая, еще более богатая сторона, где земля сплошь устлана орихалковым и агатами.

Дворфы и впрямь обладали непревзойдённым мастерством и действительно копали невероятно глубоко.

И потому они всё копали и копали — всё ниже, ниже и ниже.

Дворфы пробили древние пласты породы, которые не поддавались даже пламени дракона, пока в один прекрасный день...

Они не выкопали то, чего копать не стоило.

В воспоминаниях истинного тела Гидодоры эти существа представляли собой всего-навсего исполинских скользких червей длиной в несколько десятков метров, с отвратительными жвалами и пастями.

Для Бедствия Разрушения, что в пору своего расцвета заслоняло собой солнце и небо, это, поистине, было сущим пустяком.

Но для Дворфов Черного Железа, из поколения в поколение живших под землей, это обернулось бесконечным кошмаром.

Одного черного червя еще можно было разрубить боевым топором или сокрушить магическими рунами.

Но что если их сто? Тысяча?

Или того больше?

Они хлынули потоком из вновь пробитых трещин в бездне.

Они пожирали руду, разъедали железо, терзали плоть.

Что еще хуже — они откладывали яйца.

В телах дворфов, в трещинах пород и даже в самом сердце еще действующих плавильных печей.

Яйцевые коконы пульсировали, словно сердца, и всего за несколько дней из них вылуплялась новая волна тварей.

Гордость Дворфов Черного Железа — врата Громовой Крепости — были напрочь сметены гигантской волной из трупов и живых червей. А их мощнейшая военная машина, достигавшая ста футов в высоту рунный гигант, была с ног до головы олеплена роями насекомых, что пробрались в каждый сустав, и в конце концов рухнула на землю, превратившись в новый инкубатор.

Падение Хеглы продолжалось три месяца.

Последнее донесение было передано по кристаллам связи геомагнитных жил и состояло всего из нескольких обрывков фраз: Мы... прокопали путь к чему-то более глубокому... там глаза... они смотрят на нас из темноты... простите нашу гордыню...

После этого кристаллы навсегда умолкли.

В этот момент призрак Гидодоры сидел на ладони гигантской бронзовой статуи, изображавшей величественного бога дворфов Морадина, гордо воздевшего боевой молот.

Какое... глупое и в то же время грандиозное зрелище, — одинокий голос Гидодоры прокатился эхом по пустой выси.

Впрочем, время от времени сюда всё же проникали безумцы из числа людей.

Искателей приключений влекли несметные сокровища и легенды Дворфов Черного Железа, наёмники рыскали в поисках древних артефактов и технологий для знати и правителей, а отъявленные головорезы просто стремились скрыться от законов цивилизованного мира.

Многие из них сбивались в отряды, вооружались картами, компасами и припасами, пытаясь проникнуть вглубь этого проклятого пустого города.

Сознание Гидодоры видело их, но он так и не дождался никого из них — эта земля была слишком опасна для людей.

Однако Гидодоре отчаянно захотелось услышать голос живого человека.

И потому около сотни лет назад Гидодора силой своей воли отдал абсолютный приказ всем без исключения монстрам, зверям и даже искаженным призракам, обладавшим хоть капелькой разума:

Не нападать первыми на людей, которые не проявляют враждебности.

Приказ начал расходиться кругами.

Свирепый пещерный тролль замер на полуслове, уже занеся каменную палицу, затем растерянно принялся к доносившемуся до него человеческому запаху и в конце концов с досадой отступил обратно в пещеру.

Стаи светящихся скатов проносились над головами экспедиционного отряда, больше не

пикируя вниз, чтобы высосать их мозги, и даже укрывшиеся в земных расщелинах многорукие твари еле слышно втянули наружу высунутые было щупальца.

В первые несколько десятилетий это, казалось, действительно приносило плоды.

Особенно когда отряд искателей приключений с Пиков Метели сумел благополучно добраться до самого входа в Хеглу.

Гидодора даже отчетливо ощущал их возбуждение: члены приключенческого отряда тыкали пальцами в массивные черные железные врата Громовой Крепости, ожесточённо споря о том, стоит ли идти дальше.

Затаив дыхание, Гидодора ждал, что они подойдут еще ближе — быть может, тогда они заметили бы древние горные тропы, вырубленные Дворфами Черного Железа на склоне горы, или даже обнаружили потаенную трещину, ведущую прямо в недра вулкана.

Однако злоба Земли Потерянных была вовсе не тем, что можно было искоренить одним лишь приказом.

В ту ночь энергия геомагнитных жил без всякого предупреждения взбунтовалась, фиолетовые дуги молний вырвались из камней, в мгновение ока окутав весь лагерь.

Люди бились в конвульсиях прямо в палатках, их доспехи превратились в проводящие ток клетки, а плоть обугливалась под воздействием магических разрядов.

Гидодора слышал их душераздирающие крики — короткие и пронзительные, сменившиеся вскоре лишь гудением электрических дуг да тихоньким потрескиванием сгорающей плоти.

Надежда погасла, подобно угольку на ветру.

В последующие десятилетия приближалось еще бесчисленное множество людей, но все они неизменно гибли в самый последний момент: проваливались в внезапно разверзшиеся песчаные воронки, были разорваны на куски беспорядочным срабатыванием древних защитных чар галлюцинировали от долгого употребления в пищу светящихся грибов и переубивали друг друга.

Ближе всех к тому, чтобы ступить в Хеглу, подошел отряд под предводительством истинного благородного рыцаря с двумя оруженосцами.

Пройдя через девять кругов ада, они поистине чудом отыскивали верхний вход в Хеглу, помимо врат Громовой Крепости.

Господин со слугами блуждали по пустому городу почти целый день, собрав по пути несколько золотых и серебряных монет Дворфов Черного Железа и четыре рунных меча Лидамос.

Призрак Гидодоры даже показался им на глаза: его облаченная в черное фигура стояла вдали, за сломанной колонной.

Он жаждал хотя бы одного взгляда, хотя бы одного слова.

Однако, заметив Гидодору, тот рыцарь мгновенно оцепенел и бросил двум своим оруженосцам: Здесь нечисто, уходим!

Они в панике бежали, не оглядываясь.

Гидодора начал сомневаться, не ускорил ли тот приказ гибель людей — ведь он давал им ложное чувство безопасности, толкая в самые смертоносные ловушки, где они в конце концов и становились жертвами прочих опасностей.

Гидодора по-прежнему чувствовал себя одиноким.

Очень одиноким.

<http://bllate.org/book/19072/1873289>